

II. ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

ЭДМУНД ГУССЕРЛЬ О ГОРИЗОНТНОЙ СТРУКТУРЕ ОПЫТА. ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ 8 ПАРАГРАФА КНИГИ ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ «ОПЫТ И СУЖДЕНИЕ»

АЛЕКСАНДР ФРОЛОВ

Кандидат философских наук, старший преподаватель.
МГУ имени М. В. Ломоносова, философский факультет.
119991 Москва, Россия.

E-mail: aloff2008@yandex.ru

Мы представляем перевод на русский язык § 8 из книги Э. Гуссерля «Опыт и суждение» (1939). Этот параграф содержит систематический набросок концепции горизонтности опыта — набросок тем более ценный, что в наиболее известных трудах Гуссерля (от «Идей I» до «Кризиса европейских наук») мы не находим столь детальной проработки идеи горизонта. Тем не менее, сама эта идея является важнейшим элементом гуссерлевской концептуализации опыта как принципиально открытого, незавершенного процесса. Если в предыдущем § 7 констатируется, что мир является универсальной «почвой достоверности», на которой разворачивается весь наш опыт, то § 8 посвящен экспликации интенциональной структуры опыта (с ориентацией, прежде всего, на опыт восприятия). Эта структура имеет вид горизонта. Базовым выступает здесь различие между «внутренним горизонтом» предмета и его «внешним горизонтом». В свою очередь, внешний горизонт переходит в «горизонт мира» — предельный, универсальный горизонт, охватывающий все частные горизонты и перспективы. Типизация служит при этом способом репрезентации предметов, находящихся *по ту сторону* поля актуально данного, но распространяется и на латентные (и даже наглядно данные) стороны предметов актуального опыта. Наиболее общим типом, согласно Гуссерлю, выступает при этом «предмет вообще», «нечто предметное» — базовая категория формальной онтологии. Использование идеи горизонта в качестве фундаментального принципа феноменологии вызывает оживленные дискуссии среди современных авторов (Ж.-Л. Марион, Э. Левинас, Ж. Деррида), что еще раз подчеркивает значимость публикации данного фрагмента.

Ключевые слова: Опыт, мир, горизонт, внутренний горизонт, внешний горизонт, предвосхищение, предметная типика.

© ALEXANDER FROLOV, 2017

EDMUND HUSSERL ABOUT THE HORIZONTAL STRUCTURE OF EXPERIENCE. THE PREFACE TO THE TRANSLATION OF THE 8TH PARAGRAPH OF EDMUND HUSSERL'S BOOK "EXPERIENCE AND JUDGEMENT"

ALEXANDER FROLOV

PhD in Philosophy, Senior Lecturer.
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy.
119991 Moscow, Russia.
E-mail: alloff2008@yandex.ru

We present here a Russian translation of the 8th paragraph of Husserl's book "Experience and Judgment" (1939). The paragraph includes a systematic outline of the phenomenological conception of horizonedness, while in no other Husserl's book — from "Ideas I" to "Crisis" — we can find a fragment dealing with the idea of horizon elaborated so deep. The idea however is a substantial element of Husserl's conceptualization of experience as an open, indefinite process. In the 7th paragraph of "Experience and Judgment" the world is conceived as a universal "ground of certainty", upon which all our experience is based, and in the 8th paragraph the intentional structure of experience (mostly as perception) is explicated. That structure is characterized as horizontal. The crucial difference here is between the "inner horizon" and the "outer horizon" of an object. The outer horizon stretches finally into the "world-horizon" — the ultimate, universal horizon comprising all partial horizons and perspectives. In its turn, typization functions here as a way of representation of objects laying *beyond* the field of what is given. Typization also covers latent aspects of present objects and concerns even their patent aspects. The most general type, according to Husserl, is "object as such" — a basic category of formal ontology. The idea of horizon has been a fundamental principle of classical phenomenology. Nowadays it provokes hot discussions among such authors as Jean-Luc Marion, Emmanuel Levinas, and Jacques Derrida. The discussions relate to the very essence of phenomenology. That's why we find publication of the fragment to be important.

Key words: Experience, world, horizon, inner horizon, outer horizon, anticipation, general typization of objects.

Книга «Опыт и суждение» увидела свет в 1939 году в Праге, уже после смерти Эдмунда Гуссерля¹. В течение почти десяти лет Гуссерль работал над ней вместе со своим ассистентом Людвигом Ландгребе, систематизируя и дорабатывая различные манускрипты. В 1938 году книга была отдана в печать, но Гуссерль так и не успел просмотреть листы корректуры (Lohmar, 1996, 31 ff.). В своем «Предисловии издателя» Ландгребе отмечает, что данный текст стал «результатом сотрудничества совершенно особого рода, который можно оха-

¹ При этом почти весь тираж был уничтожен — немецкие войска уже входили в Прагу, — и лишь 200 экземпляров удалось отправить в Лондон.

рактизовать приблизительно следующим образом: *мыслительное содержание*, “сырой материал”, *полностью* происходит от самого Гуссерля, — здесь нет ничего, что было бы просто добавлено редактором или заключало бы в себе *его* интерпретацию феноменологии, — однако за *литературную форму* несет ответственность редактор» (Husserl, 1939, X). Впрочем, в отношении первых 14 параграфов книги («Введение») роль Ландгребе была более значительной, чем в отношении основной части: набросок «Введения» обсуждался и был одобрен Гуссерлем лишь устно, тогда как содержание основной части Гуссерль лично просматривал и авторизовал. К этим 14 параграфам принадлежит и параграф 8, перевод которого здесь представлен.

Книга посвящена допредикативным основаниям опыта — тому глубинному слою, который в «Кризисе» называется «почвой» жизненного мира². В «Опыте и суждении» Гуссерля интересует, каким образом предикативные высказывания, суждения (то, что принято относить к сфере *epistemē*) происходят из допредикативного слоя опыта, из сферы *doxa* — отсюда и подзаголовков книги: «Исследования по генеалогии логики». В этом отношении книга развивает и углубляет содержание работы «Формальная и трансцендентальная логика».

В анализах допредикативного опыта значительную роль играет не только метафора «почвы», но и идея горизонта (от гр. *horizō* — ограничиваю). Эта идея, впервые вошедшая в употребление в античной оптике и астрономии, уже в средние века нашла применение в философии и даже богословии (Ritter, 1974)³. В свернутом виде мы встречаем ее и у Канта⁴, а в феноменологии идея горизонта становится одним из важнейших понятий, применяемых для описания и концептуализации опыта.

² См.: (Gusserl', 2004, 179, 202, 345). О мире как универсальной «почве достоверности» (Glaubensboden) идет речь и в § 7 «Опыта и суждения». А. А. Шиян (Shiyan, 2013, 53) отмечает, что, как правило, Гуссерль делает предварительные анализы, еще оставаясь на почве «естественной установки». Это относится и к интересующим нас §§ 7 и 8 «Опыта и суждения» (ср. «Идеи I», § 27).

³ Например, у Николая Кузанского метафизическое значение горизонта уточняется астрономической аналогией: «Интеллект не погружен во временное и вещественное, он абсолютно свободен от них; чувство целиком зависит от мира, подчиняясь временным движениям; рассудок по отношению к интеллекту как бы на горизонте, а по отношению к чувству — в зените, так что в нем совпадает и то, что ниже, и то, что выше времени» (Cusanus, 1979, 159).

⁴ Согласно «Критике чистого разума», «... наш разум не есть неопределимо далеко простирающаяся плоскость, пределы которой известны лишь в общих чертах; скорее его следует сравнивать со сферой, радиус которой можно вычислить из кривизны дуги на ее поверхности (из природы априорных синтетических положений), и отсюда уже определить с точностью ее содержание и границы. Вне этой сферы (поля опыта) для разума ничто не является объектом» (Kant, 1964, 632).

У Гуссерля мы впервые встречаемся с анализом горизонтных структур опыта в «Идеях I», где тематизируется как горизонт окружающего мира в естественной установке, так и «горизонт переживаний» в установке феноменологической. Дальнейшую разработку идея горизонта получает в позднейших трудах Гуссерля — «Картезианских медитациях» и «Кризисе европейских наук», не говоря уже о многочисленных манускриптах⁵. Позднюю стадию гуссерлевской феноменологии иногда даже называют «феноменологией горизонтности».

В «Опыте и суждении» анализу горизонтной структуры опыта специально посвящено целых десять страниц. Именно здесь детально прописывается различие между «внутренним горизонтом» и «внешним горизонтом» предмета. Во-первых, любая вещь имеет свой внутренний горизонт — латентную полноту внутренних характеристик, лишь часть которых актуализируется в опыте. Во-вторых, любая вещь имеет свой внешний горизонт — горизонт объектов, ограничивающих ее извне. Речь идет о своего рода «двойной горизонтности», поскольку во внешнем горизонте свернута система внутренних горизонтов вещей, с их латентным наполнением, которое только еще подлежит раскрытию. Например, проходя по улице, я вижу дом, окруженный густым садом. Скорее всего, я вижу только фасад, но при этом предполагаю, что у дома есть торец и внутренние комнаты, что в нем кто-то живет (или не живет) и т.д. Все это относится к внутреннему горизонту объекта. Кроме того, оглядывая дом, я предполагаю, что рядом на улице есть и другие дома, что за домом есть другие улицы со своими домами и их обитателями и пр. Таким образом, дом воспринимается не изолированно от своего окружения, но будучи встроенным в соответствующий внешний пространственный горизонт.

В связи с идеей внешнего горизонта Гуссерль намечает также понятие «горизонта мира», или «мирогоризонта» (Welthorizont) — предельного горизонта опыта⁶. Как пишет Гуссерль, феноменологии «удалось обнаружить, что

⁵ См.: «Идеи I», § 27, § 82; «Картезианские медитации», § 19; «Кризис», § 47. Исследователи отмечают, что открытие горизонтной интенциональности произошло, вероятно, в результате изучения Гуссерлем временной структуры сознания под влиянием теорий сознания А. Бергсона и У. Джеймса. Особенно релевантной для теории горизонтности стала джеймсовская концепция *fringes* («пограничных полей» опыта). См.: (Gusserl', 2004, 348).

⁶ М. Мерло-Понти пользуется выражением «горизонт всех горизонтов» (Merlo-Ponti, 1999, 423). См. также статью Гельмута Куна из американского сборника памяти Гуссерля: «Разнообразие горизонтов, соответствующее множественности интендированных объектов, должно в конце концов вести

каждая мировая данность есть данность с учетом того, “как” ее дает тот или иной горизонт, что в горизонтах имплицированы дальнейшие горизонты, и, наконец, все, что дано в мире, влечет за собою мировой горизонт и только в силу этого осознается как принадлежащее к миру» (Gusserl', 2004, 347 ff.). С такой точки зрения, любой предмет является в рамках некоторого горизонта, да и сам мир может быть дан сознанию не как завершённое целое, но только в качестве горизонта. В конечном итоге феноменология учит тому, что мир нельзя окинуть одним взглядом, что опыт мира никогда не может быть завершён. Субъект феноменологии — это принципиально конечный субъект и остаётся таковым, несмотря на все ухищрения с феноменологической редукцией и абсолютизацией трансцендентального эго.

Итак, горизонт задается в феноменологии как некая подвижная граница между актуально данным и тем, что ещё только может быть дано. Как видно, идея горизонта подходящим образом встраивается в оппозицию актуального и потенциального⁷. Кроме того, горизонт в феноменологическом смысле слова не есть чисто пространственная граница: он всегда сопряжен со временем, поскольку в структуре опыта переход из потенциального состояния в актуальное — это всегда временной переход. Латентные пространственные характеристики предметов становятся явными с изменением перспективы видения, а смена перспективы всегда требует какого-то времени⁸. Однако если речь идет о *горизонте переживаний* как таковых, то, как правило, имеется в виду исключительно временной горизонт, поскольку в феноменологии не принято приписывать потоку переживаний пространственные черты. В этом смысле сознанию свойственно иметь двоякий временной горизонт переживаний: горизонт прошлого и горизонт будущего. Но возможно, имеет смысл говорить и о горизонте настоящего (как горизонте одновременности).

Поскольку горизонт разделяет то, что дано в опыте актуально, от того, что только может быть дано, известное от неизвестного, встает вопрос и о типических мысленных схемах, о предметной типике, посредством кото-

к предельному “горизонту горизонтов”, содержащему условия всего актуального и потенциального опыта» (Kuhn, 1940, 120).

⁷ Именно в терминах этой оппозиции горизонтная структура опыта рассматривается в «Картезианских медитациях».

⁸ По словам Мерло-Понти, «... синтез горизонтов является, в сущности, темпоральным синтезом... он смешивается с тем самым движением, в котором проходит время» (Merlo-Ponti, 1999, 424 ff.).

рой апперципируется как то, что лежит по ту сторону горизонта, так и то, что уже дано актуально. Так, в отношении окружающего природного мира можно выстроить следующий ряд предвосхищений: «Пейзаж, который у меня перед глазами, может достаточно полно представить мне то, что находится за холмом, но он сделает это на каком-то уровне неопределенности: здесь, например, луга, а там может быть лес; в любом случае я знаю только, что по ту сторону ближайшего горизонта есть земля или море, а еще дальше — открытое или замерзшее море, еще дальше — земная или воздушная среда... в отношении этих далей у меня нет ничего, кроме какого-то абстрактного стиля» (Merlo-Ponti, 1999, 424). То, что лежит по ту сторону горизонта опыта, не известно мне в своей конкретности и индивидуальности, но общее, типическое представление о нем у меня все же имеется. При этом, как утверждает Гуссерль, любая частная типика, относящаяся к отдельным видам предметов, дополняется *типикой целого*, распространяющейся на весь мирогоризонт. В отсутствие предметной типики репрезентация окружающего мира (и тем более, мира в целом) была бы невозможна в силу ограниченности нашего опыта. Тогда выстраивание типологических схем относительно существующего в мире — это способ компенсировать данную ограниченность. Концепцию предметной типики окружающего мира впоследствии специально разрабатывал Альфред Шюц (Shyuts, 2004, 280 ff.). Шюц показывает, что предметная типика носит интерсубъективный характер и что как раз благодаря этому мы, разделяя общие схемы представлений, существуем в общем для нас мире.

Наиболее общим предметным типом, по Гуссерлю, выступает «предмет вообще»: что бы мы ни предвосхищали, оно все равно будет встраиваться в форму предметности. Это значит, что все неизвестное заранее всегда уже как-то известно — по крайней мере, как «нечто неопределенное», некий предмет. Гуссерль приходит к выводу, что любая неизвестность в конечном счете представляет собой модус известности (Husserl, 1939, 34). По большому счету, это значит, что абсолютно, радикально неизвестное не может войти в наш опыт в качестве феномена.

Эта позиция оспаривается представителями современной феноменологической мысли, в частности Жан-Люком Марионом. В попытке осуществить глубинную трансформацию феноменологической парадигмы, Марион утверждает, что феноменология, за немногими исключениями, занималась чаще всего феноменами «пустыми» и «бедными» в отношении созерцания. Примером «пустых» феноменов служат Мариону идеальные объекты матема-

тики и логики — для них достаточно «чистого» созерцания или же вообще не требуется созерцания. «Бедные» феномены — это, в том числе, и феномены чувственного восприятия, поскольку интенция значения всякий раз превышает в них созерцаемую данность (Marion, 2014, 73–74)⁹. Марион считает, что «пустые» и «бедные» феномены — это не нормальный, а дефициентный, ущербный модус феноменальности, «норму» же феноменальности должны задавать феномены «насыщенные».

Насыщенный феномен — это феномен, в котором «созерцание дает больше, если не чрезмерно больше, чем предполагалось интенцией» (Marion, 2014, 79). Французский феноменолог приводит самые разнородные примеры насыщенных феноменов — это и кантовская идея возвышенного, и платоновская идея Блага, и левинасовский «лик Другого», и художественное полотно в стиле кубизма, и «чистое историческое событие» и, конечно, феномены религиозного опыта (икона, теофания). В любом случае, для таких феноменов («гиперфеноменов») характерно, что они превосходят условия феноменальности, не вписываются в рамки того, что мы привыкли считать обычным, нормальным опытом.

Одним из этих условий, согласно Мариону, и является принцип горизонтности: «Горизонт принимает в себя феномены и одновременно полагает им пределы. [...] Каждый феномен, являясь, всего лишь актуализирует какую-то толику горизонта, которая иначе осталась бы прозрачной или даже пустой» (Marion, 2014, 90). Все, что мы привыкли считать данным в опыте, является из какого-то горизонта, встраивается в горизонт. Тем самым оно обретает условия своей данности, свою ограниченность и привычность. Таким образом, по мнению Мариона, горизонтная структура опыта выступает своего рода «прокрустовым ложем» для феноменов. Как же быть с этим ограничительным и, казалось бы, неотменимым условием данности феноменов? Марион считает, что следует, по крайней мере, ограничить принцип горизонтности, чтобы сделать возможной данность нередуцированных, «насыщенных» феноменов. «Речь не идет о том, чтобы избавиться от горизонта вообще, — это, без сомнения, исключило бы возможность проявления вообще; но о том, чтобы освободиться от ограничений, навязываемых горизонтом, который всякий

⁹ Ср. в вышеприведенном примере: я вижу фасад дома и посредством аппрезентации «достраиваю» его невидимые части и стороны.

раз предшествует явлению и таким образом неизменно входит в конфликт с притязанием феноменов на абсолютность» (Marion, 2014, 90).

Вероятно, один из наиболее понятных примеров того, как «насыщенный» феномен способен «взорвать» и перестроить горизонт обычного и регулярного опыта, — это *историческое событие* (например, социальный или геополитический катаклизм, война, создание ядерного оружия или цифровая революция). Горизонт конституируется из конечной перспективы субъекта, тогда как историческое событие приходит *со стороны мира*, — мира, лежащего по ту сторону субъективных проекций и ожиданий. Подлинное историческое событие отличается своей непредвиденностью и осмысляется чаще всего лишь постфактум: когда субъект становится свидетелем исторического события или оказывается в его поле, он еще как бы «не верит своим глазам», его ожидания запаздывают относительно того, что происходит. Только потом он обнаруживает, что живет в другом мире: «старый мир» разрушен, наступила ядерная эпоха или цифровая эра. Привычные горизонты оказались смещены и перестроены.

Действительно, все мы становимся свидетелями и участниками таких событий. Классическая феноменология вряд ли способна их концептуализировать, поэтому претензии Мариона на трансформацию феноменологии, ее переориентацию на «насыщенные» феномены как нормальный модус феноменальности, кажется, вполне оправданы. Тем не менее, далеко не у всех они вызывают положительный отклик. Так, в знаменитой «Дискуссии о даре» между Жан-Люком Марионом и Жаком Деррида последний придерживается классической трактовки феноменологии. Он полагает, что феноменология без принципа горизонтности — уже не феноменология: «Я тоже за то, чтобы не пользоваться понятием горизонта, но именно по этой причине, потому что я так говорю, я уже и не являюсь феноменологом. Я храню верность феноменологии, но там, где я соглашаюсь с необходимостью отбросить горизонт, я уже не феноменолог» (Derrida & Marion, 2011, 158).

В свою очередь, Марион приводит слова Эммануэля Левинаса о том, что «без горизонта нет феноменологии», допуская, однако, что Левинас ошибался и от горизонта все же следует отказаться: «Последний шаг к реальной феноменологии — отбросить понятие горизонта» (Derrida & Marion, 2011, 158). Тем не менее, в процитированном выше тексте Марион предлагает не «избавиться от горизонта вообще», а только «освободиться от ограничений, навязываемых горизонтом» (Marion, 2014, 90).

Таким образом, в свете современных дискуссий становится ясно, что проблема горизонтности опыта ставит перед нами вопрос о самоопределении феноменологии и, более того, о самом ее существовании. В связи с этим публикация данного текста представляется тем более важной, так как он содержит развернутый анализ горизонтных структур опыта с позиций классической феноменологии.

Что касается стратегии перевода, то акцент был сделан на возможно более доступную передачу *смысла* фрагментов текста. Слишком длинные абзацы дробились на части, так же как и слишком длинные и тяжелые для восприятия предложения. Конечно, по этой причине была частично нарушена стилистика оригинального текста, но нам кажется гораздо более весомым то преимущество, которое приобрел в данном случае читатель, поскольку в противном случае «прорваться» через текст перевода, вероятно, было бы весьма затруднительно. В остальном мы старались придерживаться терминологии, более или менее устоявшейся при переводах гуссерлевских текстов на русский язык.

Особую благодарность за помощь в подготовке перевода я хотел бы выразить редактору — А. А. Шиян, а также организаторам и участникам Межвузовского семинара по феноменологии в РГГУ — прежде всего, В. И. Молчанову, Г. И. Чернавину и А. Э. Савину. Некоторые уточнения были сделаны после знакомства с переводом, выполненным А. А. Анипко.

Перевод выполнен по изданию: *Husserl E. Erfahrung und Urteil: Untersuchungen zur Genealogie der Logik / Ausgearbeitet und herausgegeben von L. Landgrebe. Prag: Akademie Verlagsbuchhandlung, 1939.* Разреженный шрифт в тексте оригинала передается курсивом.

ГЛОССАРИЙ

die Antizipation - предвосхищение

antizipieren - предвосхищать

die Apperzeption - апперцепция

der Außenhorizont - внешний горизонт

die Bekanntheit - известность

die Bestimmung - характеристика, определение

die Erfüllung - исполнение

der Hintergrund - задний план, фон

der Innenhorizont - внутренний горизонт

die Kenntnissnahme – акт узнавания, знакомства
 die Mitgeltung – сопутствующая значимость
 das Mitwissen – сопутствующее знание
 das Reale – реальное, реальное [сущее], реальный [объект]
 die Selbstgegebenheit – самоданность
 die Sondertypik – частная типика
 die Umwelt – окружающий мир
 die vergegenwärtigende Anschauung – актуализирующее созерцание
 die Vertrautheit – знакомство
 die Vorbekanntheit – предварительная известность
 vorgezeichnet – предпочерченный
 die Vorveranschaulichung – предвосхищение созерцания, предварительная интенция созерцания
 das Vorwissen – предшествующее знание
 die Washeiten, die Wasmomente – моменты чтойности, чтойные моменты
 die Welterfahrung – опыт мира
 das Weltbewußtsein – сознание мира
 der Welthorizont – горизонт мира.

REFERENCES

- Cusanus, N. (1979). *Ob uchenom neznanii* [On Learned Ignorance]. In N. Cusanus, *Sochineniya v 2 tomakh. T. 1* [Collected Works in 2 Vol. Vol. 1]. Moscow: Thought. (in Russian).
- Derrida, Zh., & Marion, Zh.-L. (2011). O dare [On the Gift]. *Logos*, 3, 144–171. (in Russian).
- Gusserl', E. (2004). *Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Philosophy]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal'. (in Russian).
- Husserl, E. (1939). *Erfahrung und Urteil: Untersuchungen zur Genealogie der Logik*. Prag: Akademie Verlagsbuchhandlung.
- Kant, I. (1964). *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. In I. Kant, *Sobranie sochinenij v 6 tomakh. T. 6* [Collected Works in 6 Vol. Vol. 3]. Moscow: Thought. (in Russian).
- Kuhn, H. (1940). The Phenomenological Concept of "Horizon". In M. Farber (Ed.), *Philosophical Essays in Memory of Edmund Husserl* (106–123). Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Lohmar, D. (1996). Zu der Entstehung und den Ausgangsmaterialien von Edmund Husserls Werk "Erfahrung und Urteil". *Husserl Studies*, 1, 31–71.
- Merlo-Ponti, M. (1999). *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. Saint-Petersburg: Juventas, Science. (in Russian).
- Marion, J.-L. (2014). *Nasyshchenyj fenomen* [The Saturated Phenomenon]. In S. Sholokhova & A. Yampol'skaya (Eds.), *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [(Post)phenomenology: The New Phenomenology in France and Beyond]. Moscow: Akademical Project. (in Russian).

- Ritter, J. (Ed). (1974). Horizont. In *Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Bd. 3 (1187–1206). Stuttgart, Basel.
- Shiyan, A.A. (2013). Vospriyatie i mir v “Opyte i suzhdenii” Emunda Gusserlya [Perception and the World in Edmund Husserl’s “Experience and Judgement”]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofskie nauki. Religiovedenie* [RSUH Bulletin. Series: Philosophy. Religious Studies], 11 (112), 51–59. (in Russian).
- Shyuts, A. (2004). Razmyshleniya o probleme relevantnosti [Reflections on the Problem of Relevance]. In A. Shyuts, *Izbrannoye. Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected Texts. The World Shining with Meaning]. Moscow: Russian Political Encyclopedia. (in Russian).